

Фантастический рассказ

Новые рекламные щиты, док! Вы видели новые рекламные щиты?

Нахмурившись, доктор Франклин в раздражении ускори́л шаги. Он сбежал вниз по госпитальной лестнице и круто повернул к стоянке автомашин. Через плечо доктор мельком взглянул на высокого молодого человека в перепачканном известью рабочем костюме. Молодой человек издали махал рукой, а потом бросился бежать к нему, поняв, что Франклин пытается ускользнуть.

— Доктор Франклин! Опять реклама...

Упрямо наклонив голову, Франклин решительно обошел пожилую пару, закрывшую дорогу к стоянке. Но до машины оставалось еще не меньше ста ярдов, а голос молодого человека был уже где-то совсем рядом. Франклин обреченно остановился и стал дожидаться.

— Ну, что скажете на этот раз, Хазвей? — Франклин сразу

же перешел в атаку. — Я устал от вашего навязчивого преследования. Вы можете это понять наконец?!

Хазвей уставился на доктора долгим взглядом из-под лохматой челки. Потом рукой, похожей на медвежью лапу, отбросил волосы назад и улыбнулся, очевидно довольный тем, что настиг наконец Франклина.

— Я пытался вечером дозвониться до вас, док. Но ваша жена всякий раз, заслышав мой голос, вешала трубку, — беззлобно объяснил он, как будто уже давно привык к подобному обращению. — Мне очень не хотелось беспокоить вас в клинике...

Они стояли у живой изгороди, надежно укрывшей их от низких окон главного административного корпуса. И Франклин был этому рад. Постоянные встречи с Хазвеем и их странные шумные объяснения все чаще становились объектом злых шуток сослуживцев.

Франклин изысканно раскланялся.

— Ценю вашу тактичность...

Но Хазвей не обратил внимания и на иронию.

— Пустое это, док... Есть куда более важные вещи, о которых стоит поговорить. — Хазвей снизил голос до шепота. — Они начали строить самый большой щит. Футов на сто высотой. Он встанет на дорожном газоне у въезда в город. Рекламные щиты скоро перекроют все подъездные пути. Когда они их построят, мы, возможно, совсем перестанем думать.

— Ваша беда как раз в том, что вы много думаете, — сказал Франклин. — Вы болтаете об этих рекламных щитах уже несколько недель. Но вы уверены, что действительно видели, как они передают сигналы?

Хазвей сорвал полную пригоршню листьев, явно недовольный таким, по его мнению, нелепым вопросом.

— Конечно, я не видел, док! Как можно видеть! В том-то и дело...

Он вновь понизил голос — мимо прошли три сиделки, с любопытством посмотревшие на них.

— Рабочие строительных бригад вчера опять не ночевали дома. Они прокладывали толстые, сверхмощные кабели. По дороге домой вы увидите — сейчас почти все готово к пуску очередной установки...

— Готов поручиться, что это дорожные знаки! — воскликнул Франклин нетерпеливо. — В районе только недавно закончено строительство виадука. И вообще, Хазвей, ради бога, забудьте

хотя бы на время об этой навязчивой идее! Подумайте лучше о Доре и ребенке.

— О них-то я и думаю! — Теперь голос Хазвея был резок. — Но кабели рассчитаны на сорок тысяч вольт. Товарные платформы нагружены огромными металлическими решетками. Завтра они начнут поднимать их на мачты по всему городу. Решетки закроют половину неба! Как вы думаете, понравится это Доре и больному ребенку? Нет, док, вы должны остановить их! Вы, крупнейший врач, можете сделать это. Если вы скажете «нет», они не посмеют. Остановите их! Иначе они превратят наши мозги в транзисторные приемники!

Смущенный горячностью Хазвея, Франклин растерялся и взглядом стал беспомощно искать в море застывших на стоянке автомобилей свою машину.

— Хазвей, простите, но я не могу тратить столько времени на бессмысленные разговоры. Поверьте, вам необходима помощь квалифицированного психиатра. Эти навязчивые идеи начинают властвовать над вами.

Хазвей пытался протестовать, но Франклин решительно поднял правую руку:

— Слушайте! Если вы сможете показать мне хотя бы один рекламный щит, появившийся за последнее время, и доказать, что он передает сигналы, действующие на сознание, я готов вместе с вами пойти в полицию. Но у вас нет никаких весомых доказательств, и вы это отлично знаете. Психореклама была запрещена тридцать лет назад. И запрет никогда не отменялся. Применение любого изобретения в этой области недопустимо. Даже мысль о том, что сейчас может быть организована подобная психореклама со всеми этими сотнями гигантских щитов, просто абсурдна!

— Хорошо, док. — Хазвей облокотился на капот одной из машин. Казалось, настроение его вновь улучшилось. Он посмотрел на Франклина почти дружелюбно. — Что у вас случилось — вы потеряли свою машину?

— Это подействовала на меня ваша проклятая истерика. — Франклин вынул ключ зажигания и прочитал номер машины: — «НУН 299-56-367-21»? Не видите?

Хазвей лениво выпрямился и принялся медленно осматривать стоянку на тысячу машин, открывшуюся перед ним.

— Трудно, не правда ли, когда все они одинаковые, даже одного цвета? Тридцать лет назад продавалось свыше дюжины марок, и каждая в десяти цветах.

Франклин наконец сам заметил свою машину и направился к ней.

— Шестьдесят лет назад были сотни марок. Ну так что же? Стандартизация дает экономию, и это, очевидно, сказывается на цене.

Хазвей негромко барабанил ладонью по крышам машин, мимо которых они проходили.

— Но все эти машины не так уж дешевы, док. Сравнивая сегодняшние цены с теми, что были лет тридцать назад, и учитывая средний доход семьи, вдруг понимаешь, что нынешние «ящички» вдвое дороже. И хотя производится лишь одна марка, цены повышаются, а не падают.

— Возможно, — сказал Франклин, открывая дверцу. — Но сегодняшние машины технически намного совершеннее. Они легче, проще в обслуживании, более прочны, безопаснее при случайной аварии.

Хазвей скептически покачал головой.

— Одна и та же модель, тот же стиль, тот же цвет из года в год...

Он провел грязным пальцем по ветровому стеклу.

— У вас опять новая машина, док? А где же старая? Вы ведь пользовались ею не более трех месяцев.

— Я продал ее, — сказал Франклин, заводя мотор. — Если бы вам удалось когда-нибудь заработать приличные деньги, вы бы поняли, что самый разумный способ эксплуатации — не доводить машину до состояния, когда она разваливается по частям. То же самое относится и к телевизору, и к стиральной машине, и к холодильнику. Но, впрочем, вас эта проблема не волнует — у вас нет за душой ни гроша!

Хазвей не прореагировал на насмешку. Он тяжело облокотился на открытую дверцу.

— Я работаю по двенадцать часов в сутки не для того, чтобы каждую неделю менять вещи. Я слишком занят, чтобы думать об их замене, прежде чем они устареют.

Он участливо махал рукой, пока Франклин выруливал со стоянки, затем крикнул вдогонку:

— Смотрите в оба, док!

По пути домой Франклин сначала старательно придерживался ряда с самым медленным движением. Как обычно после очередного разговора с Хазвеем, его не покидало чувство подавленности. Франклин как-то признался себе, что невольно почти завидует положению Хазвея. И хотя у того грязная, сырая комната, грохот виадукса за окном, сварливая жена и боль-

ной ребенок, бесконечные перебранки с квартирной хозяйкой, держится Хазвей независимо. Свободный от какой-либо ответственности, он может с успехом противиться малейшему вторжению общества в свой личный мир. Если бы только не эта навязчивая идея о губительной психорекламе...

И все-таки его свобода противоположна независимости Франклина: весьма условной, ограниченной разнообразными обязательствами — три закладных на дом, вынужденные рауты, коктейли и телевечера, частные консультации, отнимавшие большую часть времени по субботам, но дававшие возможность оплачивать расходы по содержанию дома, покупке одежды и проведению вечеринок. Единственное свободное время, которым располагал доктор, — это время по дороге на работу и с работы.

Сколько бы ни ворчали такие, как Хазвей, но дороги-то, тут же подумал Франклин, по крайней мере, великолепны. Можно по-разному относиться к современному обществу, но в чем нельзя ему отказать, так это в умении строить дороги. Восьми-, десяти- и двенадцатирядные автострады переплетают весь континент. Они ныряют в подземные тоннели. Они растворяются в гигантских автомобильных стоянках на окраинах городов и, подобно могучим кровеносным артериям, перегоняют потоки машин с утра до вечера.

Сотни машин обгоняли Франклина, пролетали мимо, устремляясь за город. Успокоенный равномерным движением, Франклин выбрался в ряд с более высокой скоростью. Теперь на спидометре было не сорок, а пятьдесят миль в час. Вдруг из-под колес машины вырвался «голос невидимого полицейского» — резкий, раздражающий ухо звук. Поверхность каждого ряда дороги покрывалась специальным синтетическим составом, и ехать по нему бесшумно можно было, лишь точно выдерживая принятую для этого ряда скорость. Доктор Франклин чуть нажал педаль газа, и воющий звук прекратился.

Покрытие точной скорости, которое владельцы машин прозвали «невидимым полицейским», использовалось на дорогах города уже несколько лет. Доктор Франклин вспомнил, что вскоре после этого разрекламированного нововведения выяснилось, что большинство автомобилей приходит в полную негодность гораздо быстрее, чем прежде, — всего за полгода. «Невидимый полицейский» не только точно регулировал скорость движения, но и увеличивал доходы автомобильных компаний. Тем немногим, кто обратил на это внимание, фирма,

разработавшая состав нового дорожного покрытия, объяснила: чем чаще заменяются автомобили, тем выше торговый оборот, что способствует снижению цен и обновлению моделей автомашин, а также «очищению» дорог от старых, опасных для движения колываг.

Спустя несколько минут машина доктора оказалась перед первой развилкой. Огромные дорожные знаки слепили сигналами: «Дороги пересекаются», «Снизить скорость», «Покрытие точной скорости кончилось». Франклин попытался возвратиться в первый ряд, но машины упирались бамперами друг в друга. Поднялся резкий вой автомобильных сирен, от которого сотрясалось, казалось, все тело доктора.

Перед самой развилкой многие ряды дороги были перекрыты. Огороженная площадка была полна инженеров и землекопов — бригады строительных рабочих сооружали массивные металлические решетки на зеленой разделительной полосе.

Франклин вспомнил, что Хазвей жил недалеко отсюда — в одном из уродливых стандартных домов бескрайнего рабочего квартала, который хаотически разметался вокруг ближайшего виадука, — и подумал, что он видит сейчас, наверное, тот самый рекламный щит, о котором Хазвей ему говорил.

Рекламный щит поднимался громадой, действительно, не менее ста футов высоты. Мощные сводчатые решетки, похожие на радарные дуги, поддерживались серией бетонных опор. Они возвышались над окружающими дорогами, и щит был виден издалека.

Франклин поймал себя на том, что он впервые с любопытством рассматривает мощные кабели трансформаторов, уходящие кверху и исчезающие в сложном сплетении металлических тросов. Авиационные сигнальные лампы полыхали красным светом над всеми строениями. Доктору показалось, что весь этот щит — какой-то элемент наземной посадочной системы гигантского городского аэропорта, расположенного десятью милями дальше к востоку.

Спустя три минуты — вновь пришлось резко снизить скорость, потому что автострада теперь рассыпалась на рукава-ответвления, — Франклин увидел второй гигантский щит, маячивший в небе прямо перед ним.

В зеркале заднего вида без труда еще можно было рассмотреть огромный блок первого щита. Доктор Франклин сравнил. На втором щите еще не было переплетенных проводов, покрывающих каркас. И вдруг в его ушах снова зазвучали слова Хазвея. Ему пришло в голову, что ни один из щитов не

лежал на основных направлениях взлета или посадки самолетов...

Ярдах в двухстах находился гигантский придорожный торговый центр. Франклин неожиданно вспомнил, что ему нужны сигареты. Повернув машину вниз к съезду, ведущему в торговый центр, он стал в очередь медленно движущихся автомобилей. Каждый из пяти торговых рядов был заполнен машинами.

Бросив монеты — бумажные деньги, непригодные для автоматов-продавцов, совсем вышли из обращения, — он вынул картонку из раздатчика. Это был единственный продающийся в магазине сорт сигарет. Фактически здесь все товары были только одного сорта, хотя огромные рекламные щиты кричали со всех сторон о богатстве выбора. Отъехав от раздатчика, Франклин открыл ящик, расположенный на щите приборов.

Внутри, в магазинной обертке, лежали три нераспечатанные пачки таких же сигарет.

Сильный запах жареной рыбы полз из кухни, когда он вошел в дом. Вдохнув его без всякого удовольствия, Франклин снял шляпу и пальто и, перешагнув порог, увидел в холле жену, припавшую к телевизору. Смазливая девица на экране диктовала потоки чисел, и Джудит быстро записывала их в блокнот, изредка переводя дыхание.

— Что за безобразия! — проворчала Джудит. — Она говорит так быстро, что я смогла записать названия лишь нескольких товаров.

— Возможно, она торопится специально, — заметил Франклин. — А что это — новая игра?

Джудит поцеловала мужа в щеку и отодвинула подальше от себя пепельницу, наполненную сигаретными окурками и бумажками от шоколада.

— Милый, прости, что не приготовила тебе аперитив... Они начали эту новую серию... Вы получаете девяносто процентную скидку в местных магазинах, если живете в нужном районе и правильно записали всю серию чисел и название товаров. Это так ужасно запутано!

— Хотя выглядит занятно. Тебя-то что заинтересовало?

Джудит устала в список.

— Пока я вижу только одну подходящую вещь — это инфракрасная жаровня с вертелом. Но мы должны быть в магазине до восьми часов. Осталось тридцать минут...

— Тогда это нам не подходит. Я устал, ангел, и мне хочется есть.

Когда Джудит запротестовала, он мягко, но твердо добавил:

— Послушай, ведь нам не нужна эта инфракрасная жаровня. У нас уже есть такая. И мы пользовались ею лишь два месяца.

— Не имеет значения, дорогой. Разве ты не понимаешь, что покупка новой обойдется дешевле? Все равно в конце года мы должны продать старую. Мы же подписали условие, что будем пользоваться ею не больше года. Таким образом, сэкономим, по крайней мере, двадцать долларов. Поверь, эти двадцать долларов даются нелегко — торговые передачи просто невыносимы, и я весь день прикована к телевизору.

В ее голосе прозвучала нотка раздражения, но Франклин запрямился.

— Правильно, мы теряем двадцать долларов. Ну и что из этого?

Пока она шла к бару, пожимая плечами, он крикнул:

— Сделай покрепче! Мне кажется, что у нас на обед настоящая свежая рыба...

— Тебе это полезно, милый. Я понимаю, что ты не можешь бесконечно жевать концентраты. Они, по мнению специалистов, не содержат каких-то протеинов и витаминов. А ты всегда говоришь, что мы должны, как в старое доброе время, почаще есть натуральные продукты.

Франклин прилег на диван со стаканом в руках и уставился на темнеющую линию горизонта.

На расстоянии четверти мили, отражаясь в стеклянной крыше соседнего супермаркета, стояли пять красноватых башен. Время от времени, когда сигнальные фонари поворачивались к фасаду постройки, он мог видеть массивную квадратную опору огромного щита, ясно проступавшего на фоне вечернего неба.

— Джудит, — он прошел в кухню и подвел ее к окну. — Когда установили этот щит позади супермаркета?

— Не знаю! — Джудит посмотрела на него с любопытством. — А почему это тебя беспокоит, Роберт? Разве щит не часть оборудования аэропорта?

Франклин задумчиво разглядывал темный каркас рекламного щита.

— Вероятно, все так думают.

Он вылил остатки виски в раковину.

На следующее утро, поставив машину на «пяточке» против супермаркета, Франклин тщательно обшарил карманы и сложил монеты в ящичек. Супермаркет был уже заполнен ранними покупателями, и линия из тридцати турникетов-счетчиков непрерывно щелкала. Даже несмотря на введение круглосуточной торговли, магазин почти всегда был полон. Большинство покупателей составляли домашние хозяйки, закупавшие с большой скидкой продукты, одежду и домашние приборы. Стремление выгадать хотя бы доллар заставляло их носиться от супермаркета к супермаркету, подлаживаясь под темп графика распродажи.

Многие женщины объединились в своеобразные синдикаты, и когда Франклин направился к выходу, толпа покупательниц устремила к машинам, на ходу набивая товары в сумки, и, отчаянно жестикулируя, обменивалась информацией. Минутой позже машины длинной колонной рванулись по направлению к другой торговой зоне.

На огромном рекламном щите над входом светился последний список удешевленных товаров. В этом супермаркете почти все они были со скидкой на пять процентов. Самые большие снижения — что-то около двадцати пяти процентов — оказались сейчас в районе, где жили бедные служащие ремонтных станций. Но цены на товары менялись с ужасающей быстротой, и Франклин подумал о том, что, возможно, этой толпе покупательниц не повезет.

На расстоянии десяти ярдов от входа Франклин остановился и еще раз посмотрел на огромную металлическую раму, установленную на краю стоянки машин. Этот щит не был похож ни на один другой. Не было сделано ни малейшей попытки хоть как-то принарядить его или хотя бы замаскировать огромный прямоугольник стальной клепаной решетки. Мощные сварочные шрамы перерезали его так же, как бетонную поверхность автомобильной стоянки пересекал вздувшийся свежий земляной рубец, под которым недавно был уложен кабель электропитания.

Франклин прошел дальше и затем в футах пятидесяти от зна-

ка остановился и обернулся, осознавая две вещи — что он опаздывает в госпиталь и что ему надо купить еще пачку сигарет. Неясное, но сильное жужжание доносилось от трансформаторов, установленных под основанием щита. Жужжание ослабвало по мере того, как он отдалялся от установки.

Подойдя к автомату-продавцу в фойе, он машинально стал вылавливать мелочь из кармана, но затем вдруг присвистнул от изумления, вспомнив, что специально переложил все деньги в ящик автомобиля.

— Хитрая штука! — сказал он так громко, что двое покупателей с удивлением взглянули на него.

Франклин обратился к служащему, подметавшему фойе:

— Не скажете, для чего нужен этот щит?

Человек оперся на метлу, бессмысленно уставившись на щит.

— Наверное, — сказал он, — что-нибудь имеющее отношение к аэропорту.

Во рту служащий держал только что зажженную сигарету, но его правая рука машинально потянулась к карману и снова достала пачку. Ногтем большого пальца уборщик постучал по коробке. Увидев этот жест, Франклин отошел.

Каждый появившийся в супермаркете покупал сигареты.

...Спокойно двигаясь в ряду с режимом скорости сорок миль в час, Франклин с повышенным интересом присматривался к тому, что окружало его. Обычно он уставал или был слишком поглощен своими мыслями, чтобы думать об окружающем. Но сейчас он методически изучал трассу, пристально вглядываясь в придорожные кафе, над которыми теперь красовались уменьшенные варианты новых рекламных щитов.

Десятки неоновых вывесок украшали входы и витрины. Большинство реклам казались Франклину безобидными, и он переключил внимание на большие афиши, полыхающие электричеством на пустырях вдоль трассы. Многие из них были высотой с четырехэтажное здание. Огромные, лоснящиеся от самодовольства домашние хозяйки с электрическими глазами и зубами дергались и позировали в идеальных кухнях, полыхали неоновыми вспышками улыбок.

По другую сторону шоссе тянулись свалки автомобилей, стиральных машин, холодильников, все еще годных для использования, но выкинутых потому, что на рынок постоянно накатывались сменяющие друг друга волны уцененных моделей. Неповрежденный хром едва потускнел, горы металлических изделий продолжали сверкать на солнце. Ближе к центру рекламы теснились друг к другу почти вплотную, скрывая кладбища

вещей. Но время от времени, когда Франклин выскакивал на один из виадуктов и замедлял скорость, перед его глазами разворачивались целые поля с рваными пирамидами бросового металла.

Вечером Хазвей опять поймал его, когда Франклин спускался по лестнице. Они вместе быстро направились к машине.

— Что случилось, док? — спросил Хазвей, пока Франклин открывал дверцу и с тревогой осматривал стоящие на стоянке автомобили. — За вами кто-нибудь гнался?

Франклин мрачно рассмеялся.

— Не знаю. Хотелось бы надеяться, что нет. Впрочем, если ваши подозрения справедливы, то возможно...

Хазвей внимательно на него посмотрел.

— Значит, вы все-таки что-то заметили, док?

— Не совсем уверен. Но не исключено, что вы правы... Я был утром в придорожном супермаркете... — Франклин запнулся, припоминая огромный пустой щит на дороге и внезапный вираж машины, когда он невольно повернул к супермаркету, едва приблизившись к щиту. Франклин стал рассказывать, а Хазвей слушал и кивал.

— Я видел тот щит. Он большой, но все же сейчас есть еще больше. И их строят везде, по всему городу. Что вы собираетесь предпринять, док?

Рисунки Н. ГРИШИНА

Франклин слегка сжал руль. Плохо скрытая усмешка Хазвея рассердила его.

— Абсолютно ничего! Может быть, это и впрямь авиационная аппаратура. А вы заставили меня вообразить черт те что...

Хазвей вздрогнул. Его лицо покрылось белыми пятнами и стало жестким.

— Не говорите глупостей, док! Если вы не верите своим собственным ощущениям, что же тогда остается? О, я знаю, я понимаю, они уже вторглись в ваш мозг! И если вы себя не защитите, полностью завладеют им. Мы должны действовать, прежде чем они нас окончательно поработят!

Франклин устало поднял руку, останавливая поток хазвеевских выкриков:

— Минуточку, допустим, что эти щиты устанавливаются повсюду. Но с какой целью? Затраты капитала на единицу рекламной продукции огромны. Такие вложения бессмысленны, ибо свободных средств у населения практически нет. Некоторые из закладных и контрактов на покупку по сниженным ценам заключены на полстолетия вперед. Так что новое рекламное сражение было бы просто губительным.

— Вот именно, док, — подхватил Хазвей. — И остался последний источник — увеличение рабочего времени. Рабочий день и так возрос до четырнадцати часов. На некоторых заводах работа по воскресеньям стала нормальным явлением. Вы представляете себе, док, семидневная рабочая неделя, и каждый день, по крайней мере, на трех работах.

Франклин покачал головой.

— Люди не выдержат такой нагрузки.

— Выдержат. За последние двадцать пять лет объем валового продукта возрос на пятьдесят процентов за счет увеличения числа рабочих часов. В конечном счете все мы будем работать круглые сутки. Семь дней в неделю.

Хазвей обнял Франклина за плечи.

— Ну, так как, док? Вы согласны со мной?

Франклин молча высвободился из его объятий. В полумиле, частично скрытая четырехэтажным корпусом госпиталя, виднелась верхняя половина одного из гигантских щитов. Монтажные рабочие все еще ползали по его перекладам. Авиационные линии, естественно, не проходили над госпиталем, и щит, конечно, никак не мог быть связан с воздушным транспортом.

— Разве эта подпольная реклама, рассчитанная на подсознательное воздействие, не противозаконна?! Как могут профсоюзы допустить это? — сказал Франклин.

— Страх кризиса! Вы же знакомы с экономической наукой. Пока растет производительность труда, нам не грозит инфляция! Десять лет назад это достигалось лишь интенсификацией рабочего процесса, но сейчас резервы практически исчерпаны. Остается одно — больше работать. Новые доходы, а значит, увеличение потребления. Подсознательная реклама будет невиданным стимулом...

— Что вы собираетесь предпринять?

— Я не могу сказать вам этого, док, пока вы не согласитесь нести со мной равную ответственность за будущие действия.

— Звучит по-донкихотски! — заметил Франклин. — Сражаться с ветряными мельницами! Вы ведь хотите разрубить этот узел одним ударом?

— И не пытаюсь. — Хазвей вдруг привстал и открыл автомобильную дверцу. — Не думайте слишком долго, док. К тому времени, когда вы решитесь действовать, он, — Хазвей постучал пальцем себя по лбу, — уже не будет вашим.

Махнув рукой, Хазвей исчез.

По дороге домой к Франклину вернулся его обычный скептицизм. Идея подпольных действий казалась абсурдной. И все-таки аргументы Хазвея выглядели достаточно убедительными. У самого Франклина оставалось от работы лишь несколько свободных часов в неделю. Неужели придется работать еще больше?

Глядя вверх крыш мчащихся впереди машин, он насчитал уже с десяток новых больших щитов, воздвигнутых вдоль трассы. Как и говорил Хазвей, они поднимались повсюду, вздымаясь над дорогой подобно старинным парусам.

Джудит была в кухне, когда он приехал домой. Она сидела перед переносным телевизором, подвешенным над плитой.

Франклин отшвырнул ногой нераспечатанную коробку, которая загораживала вход в кухню, и поцеловал жену. Она не отрываясь смотрела на экран и, подобно машине, записывала цифры в блокнот. Приятный запах консервированных, а может быть даже натуральных, цыплят, жарившихся вместе с острыми приправами, погасил вспыхнувшее было раздражение от того, что он опять застал жену играющей в эти дурацкие торговоматематические игры. Франклин еще раз толкнул коробку ногой.

— А это что?

— Понятия не имею, милый. Что-нибудь всегда приходит к вечеру. Не могу же я отставать от других хозяек.

Она взглянула сквозь прозрачную дверцу духовки. Убедившись в готовности жаркого, Джудит обернулась к мужу.

— Ты чем-то очень обеспокоен, Роберт? Трудный день?

Франклин ответил неопределенно. Часы, проведенные перед голубым экраном в надежде найти новый торговый ключ, обострили восприятие Джудит, и она вдруг почувствовала прилив сострадания к мужу.

— Ты снова разговаривал с этим сумасшедшим?

— Хазвеем? Если ты о нем, то разговаривал. Но он не такой уж сумасшедший!

Франклин вновь споткнулся о злосчастную коробку, едва не пролив содержимое рюмки.

— Черт возьми, что это за хлам? Было бы приятно узнать, что за его оплату мне придется работать в течение пятидесяти воскресений...

Он осмотрел внимательно коробку и наконец обнаружил этикетку.

— Телевизор? Джудит, разве нам нужен еще один телевизор? У нас ведь их уже три. В гостиной, столовой и один переносный. Для чего же четвертый?

— Для комнаты гостей, милый. И пожалуйста, не волнуйся так. Мы не можем переносный ставить в комнату гостей. Это неэтично. Я попытаюсь сэкономить на чем-нибудь другом, но четвертый телевизор нам крайне необходим. Во всех журналах так пишут.

Франклин раздраженно уставился на коробку.

— Если к нам приходит гость, то не собирается же он в одиночестве смотреть телевизор? Джудит, мы должны остановиться. Это ведь не дешевые вещи. Во всяком случае, покупка нового телевизора — пустая трата денег. В эфире только одна программа. И нелепо иметь четыре телевизора.

— Роберт, но ведь передача ведется по четырем каналам.

— Они отличаются лишь коммерческой рекламой.

И прежде чем Джудит смогла возразить, Франклин снял трубку зазвонившего телефона. Даже в кухне было слышно бормотание, несшееся из трубки. Сначала Франклину показалось, что это продолжение телефонной коммерческой рекламы, и только потом он понял, что звонит Хазвей и что тот в состоянии маниакального транса.

— Хазвей! — прокричал Франклин. — Что случилось? Перестаньте бормотать!

— Док, вы должны на этот раз мне поверить! Я говорю вам,

я... Подобно пулемету, эти щиты в упор расстреливают людей. И люди не могут оставаться равнодушными. Это чудовищно! Следующая большая кампания коснется автомашин и телевизоров. Они попытаются ввести систему двухмесячной эксплуатации автомобилей. Можете себе представить, док, новая машина каждые два месяца?! Бог всемогущий, это же прямо...

Франклин терпеливо ждал, когда включится пятисекундный размыкатель. Все телефонные переговоры были бесплатными. Однако делалось это за счет коммерческих сообщений, которые без ведома абонентов включались, как только снималась трубка. При междугородних разговорах коммерческое время превышало обычное разговорное в десять раз. Разговаривающие отчаянно пытались вставить словечко в дикторские паузы.

Не выдержав, Франклин бросил трубку, прежде чем закончилось очередное рекламное сообщение, и выключил телефон из сети.

Подошла Джудит и тронула его за руку.

— Роберт, что случилось? Ты какой-то странный.

Франклин взял свой стакан с виски и прошел в гостиную.

— Это как раз звонил Хазвей. Как ты выражаешься, я немного связан с ним. По правде говоря, он начал меня угнетать...

Франклин посмотрел на тонкую линию горизонта. Красные угрожающие огни рекламы соседнего супермаркета в ночном небе. Пустота и безмолвие. Они пугают человека даже с нормальной психикой.

— Очень многое из того, что говорил Хазвей, не лишено основания. Эта подсознательная реклама — одна из своеобразных попыток торговых дельцов спасти свою шкуру.

Он ожидал, что Джудит возразит, но она молчала. Франклин поднял на нее глаза. Она стояла в центре ковра с безвольно сложенными на груди руками, ее точеное лицо было необычайно глупым и тупым. Франклин взглянул на острые гребни крыш, затем с усилием опустил взгляд на рюмку и включил телевизор.

— Иди сюда, — сказал он мрачно. — Давай посмотрим новый телевизор. Может быть, нам действительно нужен четвертый.

...Через неделю в клинике Франклина началась инвентаризация. Он был очень занят и не видел Хазвея. Каждый раз, когда он вечером покидал госпиталь, знакомая фигура человека в перепачканном известью рабочем костюме отсутствовала. Потом до него начали доходить какие-то смутные слухи. И нако-

лец, он прочитал о загадочных попытках сорвать строительство огромных щитов. Франклин сразу же связал это с именем Хазвея. Позднее он услышал в телевизионных новостях, что взрывы не на шутку напугали строительных рабочих, устанавливающих основания для реклам. Тем не менее все новые и новые щиты появлялись над верхушками крыш. Они вырастали на бетонных островках, обнесенных частоколом, близ больших торговых центров.

На десятимильной дороге от госпиталя до дома красовалось уже более тридцати щитов, застывших над потоком скоростных автомобилей подобно гигантским костяшкам домино. Франклин пытался не смотреть на них, но его не покидала мысль, что взрывы — это начало активной борьбы Хазвея.

Однажды, прослушав последние известия, Франклин решил подсчитать, что же он и Джудит купили за прошедшие две недели. И обнаружил: автомашину (предыдущая модель была в эксплуатации всего два месяца), два телевизора (четыре месяца), электрическую плиту (пять месяцев), сушилку для волос (четыре месяца), холодильник (три), два радиоприемника (семь), проигрыватель (пять), коктейль-бар (восемь месяцев)...

Половина покупок была сделана им самим, но когда точно, он не мог воскресить в памяти. Автомобиль, к примеру, он поставил в гараж возле госпиталя, чтобы сделать смазку, и в тот же вечер купил машину новой модели. Он сделал это, как

только сел за руль, согласившись с доводом продавца, что потеря в цене при продаже старой марки меньше, чем стоимость работ по смазке. И только через десять минут, уносясь по скоростной дороге, он вдруг понял, что купил новую машину. Подобным же образом все домашние телевизоры были заменены идентичными моделями, когда появлялись небольшие помехи; интересно, что новые телевизоры также работали с по-

мехами, но, по словам продавца, все помехи должны были исчезнуть через два дня.

Не раз Франклин, действительно по своей воле, решал, что ему нужно сделать кое-какие покупки, но покупал всегда неожиданно. Он носил с собой список товаров, добавляя в него по мере необходимости новые, спокойно анализируя достоинства последних образцов техники, удивляясь, неужели полная капитуляция человека в поединке с рекламой может быть единственным исходом экономической борьбы.

Как-то через два месяца, возвращаясь поздно вечером домой, Франклин увидел еще один из рекламных щитов нового образца. Он ехал, стараясь угнаться за потоком автомобилей, только что прошедших вторую из трех развилок. Вдруг скорость движения стала падать. Сотни машин съехали на травяную обочину. И огромная толпа собралась вокруг щита.

Маленькие черные фигурки ловко карабкались по металлическому каркасу. Свет от серии огромных, подобных кольцам, фонарей вспыхивал то там, то здесь, прорезая вечерний воздух. Казалось, это рабочие поднимаются вверх, чтобы устранить какую-то неполадку. Франклин вывернул машину на мягкую обочину, а затем пошел к собравшейся около щита толпе. Лица людей освещались мерцающим светом фонарей. У самого подножия стояла большая группа полицейских и механиков, поднимавших специальный кран к фигуркам, карабкавшимся на высоте около сотни футов.

Вдруг Франклин остановился. Он увидел, что несколько полицейских, стоящих у подножия щита, были вооружены карабинами, а у людей, забравшихся на щит, болтались за спиной автоматы. И эти люди с автоматами карабкались все выше и выше, с каждым метром приближаясь к человеку, разбиравшему на самой вершине щита какой-то из блоков его аппаратуры. Весь облик этого человека в запачканной рубашке и разорванных джинсах показался доктору знакомым.

— Хазвей!

Франклин рванулся к полицейскому заслону.

Затем мерцание огней прекратилось. Вспыхнул яркий свет. И толпа одновременно перевела взгляд на полотно с четкими буквами. Фразы, их каждая комбинация были знакомы. Франклин понимал, что, независимо от его сознания, они плыли в его мозгу неделями, когда он проезжал по этой дороге.

«Покупайте сейчас... Покупайте сейчас... Покупайте сейчас... НОВУЮ МАШИНУ... НОВУЮ МАШИНУ... ДА, ДА, ДА, ДА...»

Гудя сиренами, две патрульные машины свернули на обочи-

ну, и новые полицейские устремились сквозь толпу с дубинками в руках, быстро оттесняя людей. Но Франклин не потерял самообладания и, когда они добрались до него, закричал:

— Офицер, я знаю этого человека!

Но полицейский ударил его в грудь. Франклин беспомощно попятился назад, цепляясь за крылья стоящих автомобилей.

Полиция начала бить передние стекла, и водители, зло огрызаясь, отступали к своим машинам.

Гвалт на мгновение стих, когда раздалась короткая автоматная очередь. А затем он перерос в неистовый вопль ужаса — Хазвей с распростертыми руками, издав крик отчаяния, рухнул вниз.

— Это же трагедия для жены и ребенка! Что же будет дальше? — спросила Джудит на следующее утро, когда Франклин с потерянными глазами сидел в гостиной. — Потом, если Хазвей так ненавидел рекламные щиты, тогда почему он не подрывал те, на которых мы видим надписи, вместо того чтобы так беспокоиться о тех, на которых мы ничего не видим?

— Хазвей был прав...

Франклин уставился в телевизор, надеясь, что программа отвлечет его.

— Хазвей был прав, — повторил он просто.

— Был прав? В чем?

— У нас нет настоящей свободы выбора, во-первых. И во-вторых, финансовые компании скоро примутся за нас всерьез.

— И ты согласен с этим Хазвеем?

Франклин отошел от окна. На расстоянии четверти мили от его дома воздвигался еще один щит. Он стоял точно на восток от них. И в лучах восходящего солнца тени от его прямоугольных суперконструкций расчертили сад почти до окон.

Франклин оцепенело уставился на новую рекламу, насчитав полдюжины полицейских, патрулирующих около грузовиков, с которых подъемный кран разгружал стандартные решетки. Затем он посмотрел на рекламу над супермаркетом, пытаясь воскресить в памяти лицо Хазвея, вспомнил о его жалких попытках убедить глупого доктора в своей правоте и добиться помощи...

Франклин стоял все так же неподвижно, когда подошла Джудит, одетая в пальто:

— Нам надо ехать в супермаркет...

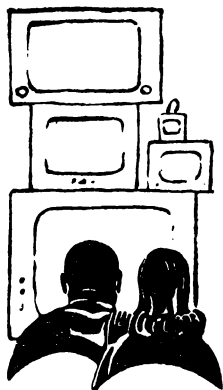
Франклин побрел за ней.

— Я подвезу тебя, Джудит, — сказал он ослабевшим голо-

сом. — Мне надо сегодня посмотреть новую модель машины. Она появится в продаже в конце месяца. Слава богу, нам удастся купить автомобиль из первой партии!

Они вышли на аккуратную садовую дорожку. Неба не было видно из-за гигантских силуэтов рекламных щитов. День разгорался. И тени щитов нависали над головами людей, стекавших к супермаркету темными безвольными потоками...

Перевод с английского К. СЕЧИНОЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Гигантские металлические щиты, вздымающиеся над улицами, словно уродливые пауки... Горы выброшенных на свалку автомобилей, стиральных машин, холодильников...

Таков фантастический мир только что прочитанного вами рассказа. Не очень приглядный мир! И человеку в этом мире не позавидуешь — не властный над самим собой, послушно, как автомат, выполняющий все, что приказывает делать впивающаяся в мозг психореклама. Купить еще одну пачку сигарет, хотя в кармане уже лежат три точно такие же пачки. Вступить в синдикат покупателей и мчаться из одного гигантского торгового центра в

другой, подчиняясь бешеным скачкам цен. Покупать новый автомобиль, потому что предыдущая модель объявлена устаревшей и нельзя отстать от соседей и сослуживцев, уже производших замену. Покупать, покупать, покупать...

Причина ясна: фирмы, производящие товары, должны получать прибыль. А значит, людей надо держать в состоянии постоянной гонки за новыми вещами; заставлять их работать все больше и больше, чтобы они могли покупать. Ради прибыли остановится ли бизнес перед тем, чтобы калечить психорекламой человеческие души? Тем более что для дельцов в этом уродливом мире, нарисованном Дж. Г. Баллардом, людей наверняка давно уже не существует — есть только покупатели...

Так ли уж, впрочем, фантастичен этот капиталистический мир, в столь остром гротеске нарисованный писателем?

Уже и сегодня борьба за покупателя, погоня за прибылью и сверхприбылью приобретает в так называемом «свободном мире» самые уродливые формы. В этой погоне и теперь уже никому нет дела до человеческой души: главное — доллары! А как выколотить их из прохожего? Надо любой ценой поразить его воображение, проникнуть в его сознание, оглушить размахом. Уже и сегодня для этой цели мобилируются любые средства: в «рекламной индустрии» трудятся сейчас десятки тысяч людей — художников и психологов, поэтов и режиссеров, ученых. И все изощреннее становятся виды ошарашивающей, одурманивающей, оглупляющей рекламы — недаром ведь говорят, что бизнес изобретательнее самого дьявола.

В Мехико на каждом перекрестке я видел одну и ту же рекламу крупнейшей автомобильной фирмы США: на белом прямоугольнике из верхнего правого угла в левый нижний проведена тонкая, чуть изогнутая линия, и под ней выведены два слова: «Дженерал моторс». Казалось бы, внешне эта реклама совсем не бросающаяся. Но здесь тонкий, «научный»

расчет. Она входит в сознание не сразу, а постепенно, но тем прочнее. Сотни раз в течение одного дня перед глазами встают эти совсем незатейливые белые прямоугольники. И нигде не укрыться от этих двух слов: «Дженерал моторс»... «Дженерал моторс»... Только «Дженерал моторс»...

В жарком тропическом Каракасе в самые горячие часы над центральной улицей поднимается большой воздушный шар с надписью «Пейте пепси-колу». Действие этого «изобретения» я испытал на себе: я не раз замечал, как из ящика со льдом на прилавке кафе руки словно сами собой выбирают бутылку именно «пепси-колы»...

А вот еще пример «научно» рассчитанного применения рекламы. Представьте себе, что в момент демонстрации кинофильма он вдруг обрывается на самом интересном месте, когда внимание всего зрительного зала достигает апогея. Секундная пауза — и на экране реклама чулок или подтяжек. Можно быть уверенным — это не пройдет мимо внимания зрителей. Тем более если в другом кульминационном моменте фильма десять минут спустя сделать еще один перерыв и вновь выпустить на экран ту же рекламу...

Писатель-фантаст попробовал мысленно проследить, до чего может дойти безудержное развитие этого явления «свободного мира». Именно сегодняшний бездушный и безжалостный мир бизнеса послужил для писателя моделью, в нем нашел он те черты, которые, будучи усилены в несколько раз средствами фантастики и перенесены условно на несколько лет вперед, превратили его в мрачную и неприглядную картину, нарисованную в рассказе. Ради прибыли, еще раз предупреждает писатель, дельцы буржуазного мира действительно не остановятся ни перед чем — даже если ради нее понадобится растоптать человеческую душу или взять человеческую жизнь. Дж. Г. Баллард предупреждает читателя и о другом. Обра-

тите внимание — его рассказ «населен» очень разными людьми. Апатии и безразличию доктора Франклина противостоят ненависть к дельцам и энергичный протест Хазвея. Пусть его попытка борьбы обречена на неудачу — писатель лишь подчеркивает этим, что не приносит успеха борьба в одиночку. Зато именно безразличие людей, подобных безвольному и слабому Франклину, развязывает руки заправилам мира бизнеса. И это надо очень хорошо помнить людям.

В. ЧИЧКОВ
